

Фёдор Алексеевич

Юноша на троне

В январе на Руси темнеет рано. Вечером 29 января 1676 года на четвертом часу после захода солнца, закатилось солнце русского самодержавного православного государства, отошел к Господу царь Алексей Михайлович, уподобленный дневному светилу чуть ранее своего современника и соперника Людовика XIV. Большой колокол известил Московское государство о наступлении всемирной печали – но без промедления должна была наступить и всемирная радость.

Полагаю, что, когда сраженный простудой Алексей Михайлович исповедовался и причащался из рук святейшего патриарха Иоакима, придворное ведомство клана Хитрово уже приготовило царское облачение на его старшего сына Федора – превосходившего отца ростом, но более узкоплечего юношу, вступившего в пятнадцатое лето своего жития. С первым ударом колокола толпа думных и близких царских людей ввалилась в покои царевича.

Тело отца еще не успело остыть, как Федор Алексеевич был совлечен из теремов вниз, в Грановитую палату, обряжен в царское облачение и усажен на принесенный по приказу Хитрово из казны парадный трон. Весь вечер, всю ночь и утро в полыхающем огнями всех светильников царском дворце присягали новому государю придворные, духовенство, офицеры и приказные, дворцовые служители и выборные дворяне.

К тому времени, как высшие чины в основном закончили крестоцелование и церемония присяги переместилась из дворца на площади Кремля, в приходские церкви города и стрельецких слобод, а в приказах застрочили крестоцеловальные грамоты для всей необъятной страны (они рассылались по 10 февраля), слабый здоровьем царевич был совершенно измучен. Ноги его так опухли, что днем 30 января, на похоронах отца, он совершил краткий путь до Архангельского собора на носилках.

Синдром Смуты заставлял придворных спешить, хотя, казалось бы, не могло быть никаких сомнений в наследовании трона царевичем, еще 1 сентября 1674 года торжественно «объявленным» Церкви, двору и народу в качестве преемника отцовского самодержавия. Богатые пожалования дворянству и разосланная по сему случаю объявительная грамота помогали запомнить это выражение воли Алексея Михайловича.

Мысль о пустующем хотя бы несколько минут престоле нервировала публику, и даже присяга Федору Алексеевичу не внесла должного успокоения в умы. Публично объявлялось, что царь Алексей завещал царство старшему сыну, но ползли слухи, что первый министр боярин канцлер Артамон Сергеевич Матвеев пытался посадить на престол малолетнего царевича Петра Алексеевича.

В этом была логика – мать младшего царевича и ее родственники Нарышкины были креатурами Матвеева, который мог бы сделаться при царе Петре всемогущим регентом. Говорили, что канцлер убеждал умирающего царя и бояр, что Федор Алексеевич очень болен, даже «мало надежи на его жизнь». Второй сын Алексея – Иван – тоже не способен править, тогда как Петр на диво здоров.

И в этих разговорах был смысл: состояние здоровья Федора вызывало острое беспокойство, передавали, что сестры и тетки его по матери (Милославской) постоянно находились у постели нового царя. Они питали самое черное недоверие к Аптекарскому приказу, с 1672 года возглавлявшемуся А.С. Матвеевым. Уже 1 февраля 1676 года Матвеев был удален с этой должности, а восьмого числа царскую медицину возглавил представитель высшей родовой знати, пользовавшийся всеобщим доверием, – боярин Никита Иванович Одоевский. Через неделю новый глава Аптеки созвал консилиум шести ведущих медиков страны.

Обследование Федора Алексеевича и изучение анализов показали, что «ево государская болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи (так!), но от его царского величества природы... та-де цинга была отца ево государева... в персоне». Хроническая болезнь дает сезонные обострения, – заявили доктора, лекари и фармацевты, – которые купируются с помощью внутренних и внешних укрепляющих средств, «сухой ванны», мазей на царские «ношки». Полное излечение возможно «только исподволь, а не скорым временем».

Бояре вздохнули с облегчением – болезнь при соответствующем уходе была несмертельна, в конце концов, Алексей Михайлович жил с ней и царствовал десятки лет, был любителем охоты с ловчими птицами и борзыми, а в случаях душевной тоски ходил с рогатиной на медведя. Юноша Федор Алексеевич был, конечно, похлипче, но воспитан на физических упражнениях, как истинный царевич дома Романовых.

Федору исполнился год от роду, когда «дядьки», взяв его из рук мамок, посадили на игрушечного деревянного коня (этот символический конь стоял в хоромах царевича по крайней мере до его одиннадцатилетия). С детства страсть к лошадям вошла в кровь царевича, который, вступив на престол, проявил себя как фанатик коннозаводства. Он полностью сменил руководство Конюшенин приказом, беспрецедентно приблизив к себе конюшего И.Т. Кондырева с его родней, коннозаводчика В.Д. Долгорукова; выписывал

производителей из Западной Европы и не стеснялся даже выменивать коней у иноземных послов!

«Как отец сего государя, – писал о Федоре В.Н. Татищев, – великой был (охотник) до ловель зверей и птиц, так сей государь до лошадей великой был охотник. И не токмо предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, розным поступкам оных обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Чрез что в его время всяк наиболее о том прилежал к ничим более, как лошадьми, не хвалилися!»

Характерен случай, который несведущие люди считали причиной болезненности Федора Алексеевича: он, «будучи на тринадцатом году, однажды собирался в пригороды прогуливаться со своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь; Федор сел на нее, хотя быть возницею у своих теток и сестер. На сани насело их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но скакала на дыбы, сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он и теперь (в 1676 году. – А.В.) чувствует непрерывную боль в груди и спине».

Пользительные для здоровья поездки по Подмосковию верхом царь практиковал постоянно, исключая моменты приступов цинги. Не забывал он и увлечение отца, проявляя большую заботу об увеличении числа и улучшении породы ловчих птиц, которые по его указам доставляли даже из Сибири; причем строго следил за сохранением поголовья соколов, кречетов и т. п. в местах обитания.

Наряду с лошадьми с раннего детства Федор Алексеевич увлекался стрельбой из лука. Это был настоящий спорт со своими правилами и детально разработанным инвентарем. Документы рассказывают, что для царевича Федора и четырнадцати-семнадцати его товарищей-стольников изготовлялись десятки луков разных типов и многие сотни стрел нескольких разновидностей, мишени для комнатной и полевой стрельбы, с подставками и «влет».

После воцарения Федор Алексеевич не отказался от любимой игры. Например, 7 июня 1677 года шестнадцатилетний государь «в походе за Ваганьковом изволил тешиться на поле и указал из луков стрелять спальникам». Потеха была знатная: «Пропало в траве и переломали 33 гнезда северег» (то есть тридцать три связки по двадцать пять стрел определенного вида). Игра продолжалась 8 июня, «июня 10 в селе Покровском», «июня 15 в Преображенском в роще»; «июня 21 в Соловецкой пустыне (царь) изволил тешиться... из луков стрелять».

Стрельба смыкалась с военными играми вроде перестрелки через Крымский брод на Москве-реке, месте давних сражений с ордынцами. С малолетства шахматы, свайки, мячики и другие мирные игрушки откладывались царевичем Федором и товарищами его игр ради многочисленного и разнообразного оружия: шпаг и тесаков, пистолетов и ружей (в том числе винтовок), булав, копий, алебард, медных пушечек, знамен и барабанов, литавр и набатов, – как в настоящем войске.

Будучи уже царем, Федор Алексеевич с большим знанием дела распорядился об оборудовании Потешной площадки при комнатах своего младшего брата и крестника царевича Петра: с военным шатром, воеводской избой, пахотными рогатками, пушками и прочим воинским снаряжением. Для уверенности в том, что это были личные распоряжения государя, есть все основания.

Строительство было еще одной страстью Федора Алексеевича. Записи о его личных распоряжениях только с апреля 1681 года по апрель 1682 года (то есть по кончину) содержат указы о строительстве пятидесяти пяти объектов в Москве и дворцовых селах, каждому из которых царь дал точную архитектурную характеристику «против чертежа», причем время от времени менял детали проектов. Указы о срочных работах на новых объектах отдавались семь – девять раз в месяц; не удивительно, что с весны 1676-го по весну 1681 года в Москву неоднократно вызывались каменщики и кирпичники из других районов.

Кремлевский дворец, включая хоромы членов Царской семьи и дворцовые церкви, мастерские палаты (начиная с Оружейной), комплекс зданий приказов – все было перестроено и возведено вновь в царствование Федора Алексеевича, соединено галереями, переходами и крыльцами, богато и по-новому изукрашено. Пятиглавые каменные храмы на Пресне и в Котельниках, колокольня в Измайлове, ворота в Алексеевском, два каменных корпуса под Академию на Никольской и еще десятки каменных зданий были результатом трудов юного государя.

При всех хоромах, разумеется, были разбиты сады, кроме общего для обитателей царского «Верха» сада у Золотой палаты и всячего Набережного сада площадью около одной целой двух десятых квадратных километров, со ста девятью окнами по фасаду. Устраивая общую систему канализации Кремля, государь позаботился устроить в саду проточный пруд десять на восемь метров и запустить туда потешный кораблик. Не удовлетворившись результатом, Федор Алексеевич соорудил еще один висячий сад площадью более чем в триста пятьдесят квадратных метров со своим прудом, водовзводной башней, беседкой.

Собственный, «новый деревянный Верхний сад» при своем новом дворе царь приказал богато украсить колоннами с различными капителями, решетками, живописью, помимо

цветов и деревьев, клеток с попугаями и традиционными певчими птицами, которых царь любил с малолетства и покупал, не жалея денег. Кстати, само строительство нового дворца было затеяно Федором Алексеевичем вопреки воле большинства его советников, предпочитавших выселить из хором, окна в окна примыкавших к старому царскому дворцу, вдовую царицу Наталью Кирилловну с ее сыном Петром.

Жить в такой близости с властолюбивой мачехой было, надо полагать, не сахар. Однако царь, слишком юный даже в глазах рано взрослевших людей XVII века, с неожиданным упорством противостоял течению, не давая в обиду ни маленького Петра, ни даже его мать – изящную молодую женщину, исключительно за свойства характера получившую от врагов прозвище «медведица».